

рента, а «ремой» авторская интенция. Это следует учитывать при установлении коммуникативного членения предложений с ЭП.

Источники:

1. Weiskopf - F.S. Weiskopf. Abschied vom Frieden, Berlin und Weimar. - 1968.
2. Deutschland - Zeitschrift «Deutschland». - № 2. 1998.

С.Я.Гехтляр

К теоретическим основаниям спецкурса "Русская традиция и русская культура в зеркале языка"

Основоположником исследовательской гипотезы о взаимосвязи языка и этноса справедливо считается В. фон Гумбольдт. "Язык всеми своими тончайшими фибрами своих корней связан с "народным духом"; язык представляет собой одну из тех причин, которые стимулируют общечеловеческую духовную силу к постоянной жизнедеятельности" (Гумбольдт В. О языке кави на острове Ява. Спб., 1859. – С.162). Впоследствии идеи В.Гумбольдта и его убеждение, что язык – идеальная вещь и одновременно социальное явление, развивал А.А.Потебня, подчеркивавший, что человек испытывает на других понятность своих слов и лишь поэтому понимает себя. А.А.Потебня пишет: "Язык можно сравнить с зрением. Подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все мирозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли" (Потебня А.А. Язык и народность // Эстетика и поэтика. – М.: 1976. – С.266). "Слово само по себе уже поэтическое произведение... В слове отразились мифологические представления человека, а позднее – общие свойства нашего мышления" (Мысль и язык. Там же. – с.191). Тут важно добавить: не только общие, но и специфические для каждого народа. Не подчеркивая этот факт терминологически, А.А.Потебня тем не менее в процессе конкретного анализа языкового материала показывает, как отражается в слове своеобразие русского (а точнее – славянского) менталитета. Например, в русской пословице "Чистая вода течет в чистой реке, а верная любовь в верном сердце" высоко почтительное отношение народа к любви отражено через внутреннюю форму слова. Образ текущей воды, казалось бы, совершенно чужероден понятию любовь, но свет, прозрачность, чистота в качестве эпитета приложимы как к воде, так и к характеристике чувства, и этот эпитет как связующее звено и составляет внутреннюю форму слова.

"В слове воплощается мысль, т.е. результат познания действительности," – писал Потебня и задавался вопросом: в чем ярче всего может проявиться специфика русского сознания, отраженного в слове? Явственнее всего – через троп, поэтому самым "первым" материалом для выводов об отражении в языке черт национального своеобразия являются произведе-

дения фольклора: легенды, былины, басни, сказки и, - главное, - пословицы и поговорки.

С одной стороны, фольклорные тексты открывают нам важные особенности менталитета через подробности быта, культуры, формулы этикета, с другой – подход к анализу этих текстов возможен только при условии достаточных у исследователя фоновых знаний. Только в таком случае мы можем с достаточной степенью достоверности выявить содержащиеся в таких текстах перлокутивные эффекты, т.е. определить их прагматическую направленность.

И.Гибелев, Н.П.Невзорова

Мифологическая основа литературной сказки (диалогия А.А. Милна о Винни-Пухе)

Литературная сказка как жанр, восходящий своими корнями к фольклору, обязательно характеризуется скрытым в ее тексте "социальным кодом", т.е. теми элементами структуры произведения, которые могут соотноситься с выделенными в науке социальными формами, существовавшими в эпоху становления первобытнообщинного строя (Е.М. Мелетинский). Дешифровка социального кода позволяет ремифологизировать сказочные мотивы, ставшие таковыми в результате эволюции социальных институтов и связанным с этим разрывом мифа и обряда. Обряд же непосредственно связан со сказкой, о чем говорили Д. Фрезер, П. Сентив, С.Я. Лурье, Б.В. Казанский и др. Это положение актуализировал и В.Я.Пропп, который писал: "Сказка вырастает из социальной жизни и ее институтов. Одним из них является обряд посвящения. Особенность структуры этих обрядов - их трехчастность: все они состоят из выделения индивида из общества (так как переход должен происходить за пределами устоявшегося мира), пограничного периода (длящегося от нескольких дней до нескольких лет) и возвращения, реинкорпорации в новом статусе или в новой подгруппе общества".

Мы считаем, что исследуемые нами сказки А.А. Милна "Винни-Пух" и "Дом в медвежьем углу" (перевод В.П.Руднева) голографичны в том смысле, что структура обряда посвящения как раз и составляет композицию книги: сюжетное развертывание - не что иное как реализованный в слове трехчастный ритуал инициации. В этом смысле важным персонажем диалогии наряду с Винни-Пухом является мальчик - Кристофер Робин, выступающий в тексте в двух ипостасях: как слушатель повествования рассказчика об игрушках-животных и как герой собственно сказочного текста. Именно он, попадая в подобную "матрешку", проходит испытания на взрослость, а в конце текста непосредственно переходит в иной социальный статус - школьника. Несомненно, что содержательная сторона произведений помимо прямой коннотации способна развивать и собственные затекстовые значения. В то же время мифологический обряд, лежащий в основе сказки, образующий ее костяк, кроме прямого влияния на отбор семантического материала, т.е. помимо своей функциональной задачи,